

София ГОРСКАЯ

Я сегодня немного устала

Я сегодня немного устала;
Прочь тетради, на полку журнал.
Мне усталость совсем не пристала -
Ведь не сетуют горы Урал.

Я сегодня немного устала;
Успокою коленную дрожь,
Потому что я ночью слышала -
Барабанил в окно летний дождь.

Я сегодня немного устала;
Надо б нервы чуть-чуть поберечь,
Потому что зима подсказала
Про тепло, про камин и печь.

Я сегодня немного устала;
Так и просит морфей на поклон,
Потому что желтеют устало
За окном и березка, и клен.

Я сегодня немного устала;
Посижу на скамье над рекой.
Видно, правда, что время настало
Отдыхать, уходить на покой.

Встреленулась, увидевши строчки
Про усталость, дела и покой:
Рано ставить последние точки,
Поживу, возрождаясь весной.

Белое платье

Продается свадебное платье,
размер 46, номер телефона ***,
спросить Андрея.
(Из объявления в газете
«За доблестный труд»)

Как невеста всегда хороша,
Замирая в предчувствии счастья,
Будто светится нежность, дыша
Под покровом нарядного платья.

Чтобы горя не знать никогда,
Чтобы вас не настигло несчастье,
Сохраните его навсегда -
Подвенечное белое платье.

Иногда набегают слеза -
Не всегда это признак несчастья.
Пусть же вам попадет на глаза
Вечно бело-воздушное платье.

Чтоб печали не снились вам,
Чтобы крылья взмывали от счастья,
Никогда ни за что не продам
Это нежное белое платье.

Дни идут, годы просто бегут,
А несчастья обходят поныне,
Талисманы всегда берегут -
Прикоснись к кружевной пелерине.

И на свадьбе своей золотой
Как приятны супруга объятья
И слова, что сказал "молодой":
«Ты прекрасна, как белое платье».

Сохраните, невесты, наряд -
Пусть на память, а лучше на счастье,
Чаще пусть устремляется взгляд
На волшебное белое платье.

Елена ГОРЕЛЬНИКОВА

Поэтессе
Софии Серафимовне
Горской

Благодородство, совесть, ум -
Ваши лучшие черты.
Оттого ли столько в Вас
Несказанной доброты?

Вашими стихами
Все мы очарованы,
А чудесной папкой
Так заинтригованы!

Продолжайте Вы и впредь
Подвиг поэтический,
Совершенствуйте законы
В мире эстетическом!

Виталий ХВАЛЕЙ

На белом листе бумаги
карандаш распускает косы,
На светлом лице улыбка
расцветает подобно розе.
Глаза ее просят неба,
они не узнают осень.
Изящная ручка тает
в объятиях страстной норки.
Там грифель себя ломает
и отдохнет на пригорке.
Художник на этой сцене -
во имя Прекрасной Дамы.
Он дружит с ложью и правдой
в искусстве света и тени.

Серая глыба
в оспинках окон,
алого знамени
кровоподтек,
готовый тенью
сорваться на землю,
если бы только
света глоток.

Ржавчина в голос,
пот со лба,
два белолунных огня-
глаза.

Право на смерть
и на начало
бьется в груди,
как вода о скалы.

Девять ворот
безнадёжно скрипят,
стражники в сон
опрокинули взгляд.

Постой, старик,
не иди наверх -
расскажи,
как жилось внизу.

Стены пляшут,
их не держи -
память им ни к чему.

Жанна ХВАЛЕЙ

Каблук по паркету
стучит дождем,
И сквозняки приносят
в мой дом
Осень: озноб,
туманы, дожди, -
Лета зеленого
больше не жди.
В щелочку солнце
смотрит лучом,
Пылинки играют
и кружатся в нем.
Пестрый ковер
расстелила земля,
Где будем гулять
только осень да я.

Дорогие читатели, мы представляем вашему вниманию творческие работы гостей из Гусева. Мы однажды писали о встрече с почитателями поэзии из литературного объединения, работающего в течение ряда лет при гусевской школе искусств. Сегодня вы прочтете стихи "ветеранов" этого ЛИТО - Софии ГОРСКОЙ, замечательного педагога, привившего любовь к литературе не одному поколению своих учеников (кстати, некоторые из ее повзрослевших воспитанников живут и работают в нашем городе), и Елены ГОРЕЛЬНИКОВОЙ, глубокого знатока отечественной словесности.
"Крупным планом" мы даем "портрет" художника Виталия ХВАЛЕЯ.

Он молод. Он военный: за его плечами флотская служба, мичманская школа, затем контракт. Он талантлив. В его военной жизни находится место - и немалое - творчеству: поэзии, скульптуре, графике. У него есть надежный тыл - любящая семья. Он

«Я фантазер...»

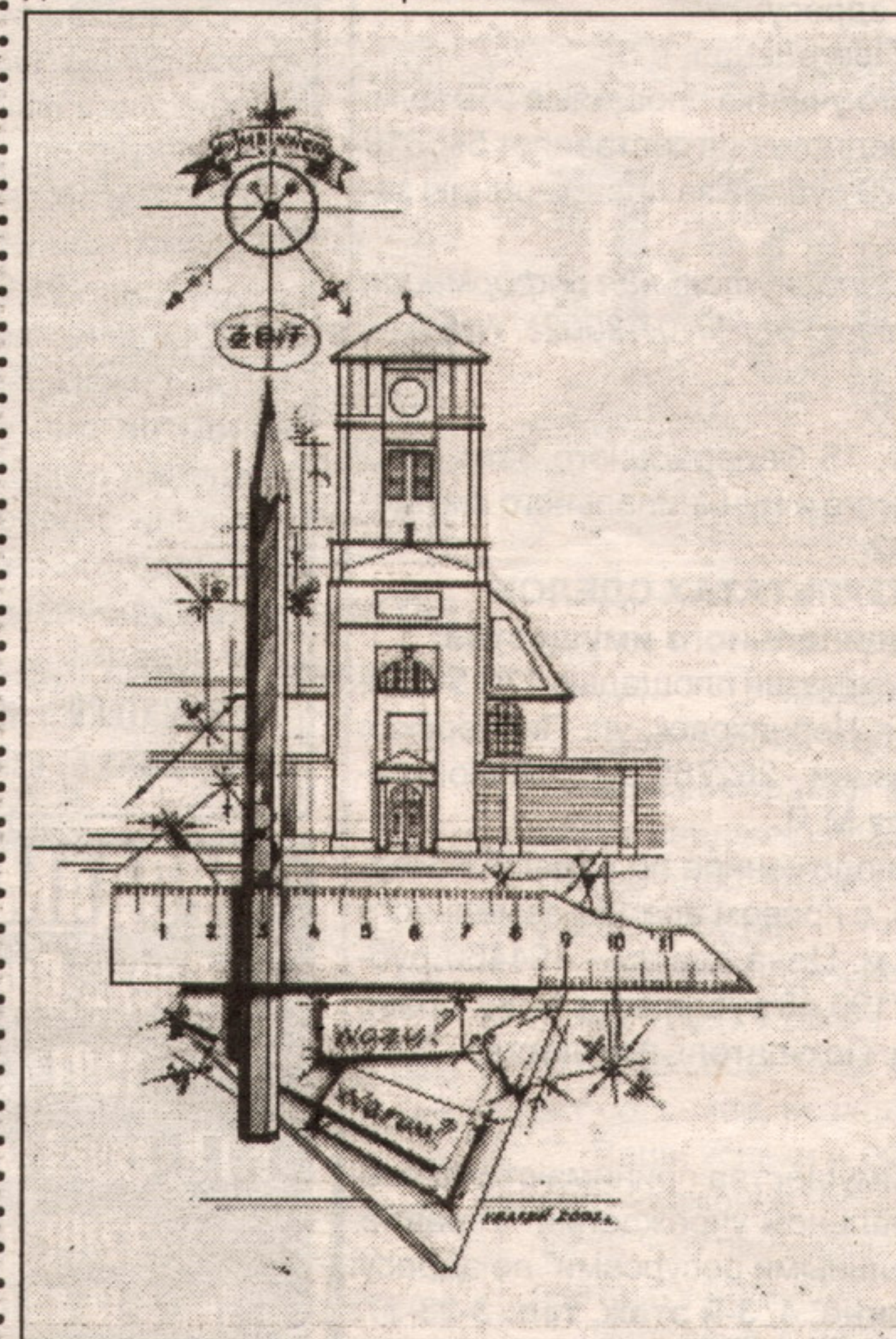
торую называют "неброской": низкое холодное небо, как-то вдруг "возрастающее" от сполохов северного сияния, неяркие холодные воды сурового моря и сопки и тундра без конца и края. Кстати, тундра то и спасала: годы были "перестроечные", довольствие задерживали, и свободные от вахты товарищи набирали грибов (их росло там видимо-невидимо) на всю команду. И варилась огромная кастрюля супа с грибами и макаронами, порой без соли (когда "старая" заканчивалась, а "новую" еще не доставили с "материка"). Кастрюля была "неисчерпаемой": поедят одни - оставшееся содержимое заливается водой, подваривается, разбухает - насыщается очередная партия едоков... Здесь познакомился с человеком, увлекшим его поэзией,

стихами которого Виталий восхищался, тот же говорил: «Ты рисуешь лучше, чем я пишу».

Новое назначение - в Калининградской области. Творчество становится содержанием его жизни. Как военный художник он занимается оформительской деятельностью (одна из значительных его работ - оформление Музея морской пехоты в Балтийске). Неожиданно для себя берется за скульптуру: на выставке в гусевском Доме офицеров знакомится с военным художником Николаем Петровичем Тищенко, который предлагает участвовать в работе над памятниками генералу Галицкому и маршалу Рокоссовскому. И Виталий включается в проект. Изучается масса фотоматериалов, делаются эскизы, макеты, формы, и, наконец, в Калининграде, на улице Комсомольской, устанавливаются бюсты двух прославленных полководцев. Ныне в содружестве с Тищенко он работает над памятником литовскому гению - Кристионасу Донелайтису, жившему в Восточной Пруссии в XVIII веке (по определению ЮНЕСКО, Донелайтис входит в число ста авторов, оказавших наибольшее влияние на развитие мировой литературы).

Он много и увлеченно рисует. Его конек - графика. Чаще использует карандаш и тушь, порой прибегает к смешанной технике - так называемой "цветной" графике.

Он считает, что ему крупно повезло: он встретил Жанну - сероглазую темноволосую красавицу, которая

интереснейший собеседник.

А теперь - подробнее и по порядку. Виталий Хвалея родился в старинном сибирском городе Томске, но родным считает и Гусев, в который переехала семья, когда ему было всего два года. Учился в двух школах - обычной и художественной. Почему-то очень хотел стать юристом. Успешно сдал экзамены на юридический факультет Калининградского университета - и почему-то "не прошел". Раствраивался - потом вдруг перестал жалеть: видно, судьба другое готовит.

Призвали в армию, послали на флот, в Севастополь, оттуда - в Киевскую школу военных техников, где готовили мичманов. Он был счастлив: Киев - удивительный, красивейший город, "живой" город-"памятник", "живая память" многовековой культуры. Он старался бывать везде: в Киево-Печерской лавре, в музеях, в опере, в драматическом театре - ни одной возможности не упускал, - и получил, как сам определил, богатейший импульс.

Потом было назначение далеко на север - в Мурманскую область. Его окружала теперь другая красота, ко-

ность вещей, людей и отношений. Изысканные, порой прихотливые линии, "перетекающие", "превращающиеся" одна в другую формы - и свое, особое видение связей между явлениями жизни. «Это сюрреализм?» - спросила я. «Нет, это, скорее, "сюрризм"», - ответил он. «Тогда откуда это взаимопревращение форм?» - «Я фантазер. Еще в художественной школе старался "трансформировать" предметы, чтобы увидеть их суть, увидеть их взаимоотношения и отобразить так, как понимаю. Само общение с бумагой и карандашом подвигает к тому, чтобы развить свою мысль. Работая - возникает один объем, потом другой, образуется своего рода философский ряд. И работу можно "читать". Как книгу».

На "замковой" выставке были картины: «Ганзейский ужас» - о неудержимых сырых ветрах, насквозь продувающих Балтику; «Айсберг» - о синих льдах вечности и спящем рыцаре внезапности, которого опасно будить; «Река времени» - об отражении прошлого в настоящем и об их совместном токе в будущем; другие...

Сейчас перед вами его новые, разные по характеру, работы - "фантастическая", "лирическая", "историческая". Чуть забегая вперед, добавим, что буквально на днях он завершил серию "совсем новых" - "юмористических". Но об этом - когда придет время...

